

Ya.A. Plyais

Contemporary Political Science Field of Russia: Condition and Problems

The condition and problems of the contemporary political science field of Russia are considered. The analysis of reforms in the scientific sphere is drawn. The condition and prospects of the Russian science in general and the political science in particular are estimated.

Key words and word-combinations: political science, Russian science, reforms of the scientific sphere, Russian Academy of Sciences, Higher Attestation Commission.

Рассматриваются состояние и проблемы современного политологического пространства России. Проводится анализ реформ научной сферы. Даются оценки состояния и перспектив российской науки в целом и политологии в частности.

Ключевые слова и словосочетания: политология, российская наука, реформы научной сферы, РАН, ВАК.

УДК 32.001
ББК 66.0

Я.А. Пляйс

**СОВРЕМЕННОЕ
ПОЛИТОЛОГИЧЕСКОЕ
ПРОСТРАНСТВО РОССИИ:
СОСТОЯНИЕ И ПРОБЛЕМЫ**

Анализируя состояние и проблемы современного политологического пространства России, следует иметь в виду, как минимум, следующие обстоятельства и факторы: во-первых, состояние всей российской науки и основные проблемы, какие она сегодня решает; во-вторых, достижения и нерешенные задачи российской политологии за 25 лет ее развития; в-третьих, что необходимо предпринять, чтобы сохранить то, что было создано за последние четверть века и двинуться дальше.

Рассматривая первый из обозначенных аспектов, необходимо акцентировать внимание на том, что, несмотря на постоянное внимание к отечественной науке, ее состоянию и проблемам со стороны высшего руководства страны, а также на значительное увеличение ее финансирования, она переживает не лучшие свои времена, а по оценке президента РАН академика В. Фортова, самые тяжелые за свою почти 300-летнюю историю. Связано это не только с недофинансированием, но и со многим другим.

После принятия Закона о реформе Российской академии наук прошло больше года, и главное, что ученые если и почувствовали какой-то переход, то в малой степени. Однако оценки и суждения президента РАН не столь мажорные и оптимистичные. Отметив, что «только сейчас начинается самое трудное», он сказал: «Диагноз нашей науки хорошо известен. Как делать науку

мирового уровня, соперничать с ведущими странами по публикациям и цитируемости, если у нас изношенность основных фондов 80 процентов, если сильно устарел парк приборов, если нищенская зарплата — 20—35 тысяч рублей. Если ученый даже не может мечтать купить жилье. Напомню, что Россия выделяет на науку 1,12 процента ВВП, а ведущие страны мира более двух процентов. Словом, перефразируя нашего известного сатирика, можно сказать: “У российской науки все хорошо — ей никто не завидует”» [1]. Далее академик Фортвов остановился на некоторых более конкретных проблемах. Речь идет, в частности, о том, что спустя год после начала реформы все еще юридически и фактически не решен главный вопрос о разделении функций ФАНО и РАН: «РАН — это наука, а хозяйственные, имущественные вопросы — ФАНО. Так вот, мы просим очень простую вещь. Чтобы это очевидное, логическое разделение было оформлено юридически. Ведь у ФАНО не было ясности, где кончается хозяйство и начинается наука. Отсюда периодически возникали различные непонимания, разногласия, трения» [1].

Другая важная проблема современной российской науки: определить, в чем состоит ее приоритет? В прикладных исследованиях или в фундаментальных? «Сейчас существует большая востребованность именно на прикладную науку. Академия наук — с самого своего рождения 300 лет назад — была заточена на фундаментальные исследования, хотя никогда наши ученые не чурались прикладной части, работали в тесном контакте с отраслевыми институтами. В СССР было около 130 министерств, и в каждом имелся свой главный институт и много прикладных. Они, кстати, были прекрасно оснащены, гораздо лучше академических. В кризисе 90-х годов все это, по сути, исчезло, а академия выстояла. И вот теперь ей предлагают взять на себя многие функции по внедрению разработок. Здесь есть вопросы к Минобрнауке. Ведь это не Министерство науки в образовательных учреждениях. Оно должно отвечать и нести ответственность за всю науку в России. А что в реальности? У нас сегодня, так или иначе, наукой и техникой занимается около двух десятков разных организаций. По сути, нет единого органа управления этой важнейшей сферой». Учитывая принципиально новые задачи, стоящие перед страной, президент РАН предложил «создать организацию, аналогичную Госкомитету по науке и технике, который эффективно действовал в СССР» [1].

К обозначенному и процитированному необходимо добавить, что оценки состояния и перспектив российской науки, а также мер, необходимых для исправления ситуации, значительно различаются у разных ответственных лиц: от почти мажорных до откровенно минорных. Однако все они солидарны в том, что реформа науки нужна и давно назрела, но то, как ее проводить, вызывает у них серьезные противоречия и разночтения.

Рассматривая второй вопрос: чего добились российская политическая наука за 25 лет своего развития и чего не смогла добиться — необходимо отметить следующее. Всякая наука в своем развитии после институционализации преодолевает несколько важных этапов. Первый из них — инфраструктурный, во время которого создаются все наиболее важные для науки и связанной с ней системой образования структуры и институты. В России этот этап занял в

целом, как представляется, лет 15, а именно с конца 1980-х годов (точнее говоря, с самого начала 1990-х) и до середины первого десятилетия 2000-х годов. Нельзя, конечно, уверенно утверждать, что этот этап был окончательно преодолен и все его проблемы полностью решены. Создание устойчивой научной инфраструктуры за Уралом, например, по-прежнему остается актуальной задачей. Вообще любая инфраструктура (в том числе, разумеется, научная), нуждается в постоянном совершенствовании, изменении, дополнении. Но в целом инфраструктурный этап был достаточно успешно и весьма быстро (по международным меркам) преодолен примерно за 15 лет. Кроме всего прочего, думаем, достигнутый результат свидетельствует о том, что проблема формирования политической науки в то время не только назрела, но и оказалось достаточно много специалистов-энтузиастов, искренне стремившихся решить задачу быстро и качественно. Примеров, подтверждающих это, более чем достаточно — и в Москве, и в Санкт-Петербурге, и в Ростове-на-Дону, и в Саратове.

После решения задач инфраструктурного этапа неизбежно приходится решать не менее (а то и более) сложные задачи создания собственной теоретической базы, формирования научных школ, различных исследовательских центров и т.д. Ранее нами указывалось, что в отличие от естественных и точных наук, которые, несмотря на существование различных национальных научных школ, имеют универсальную международную основу, общественные и гуманитарные науки нуждаются в развитой, национально ориентированной *собственной* теоретической базе. Для этого необходимо многое, начиная с ученых теоретиков, способных не только выдвинуть оригинальную концепцию своей научной школы, но и организовать ее реализацию [2].

Не развивая далее эту тему, отметим, что для любой науки, но особенно молодой, к какой относятся и политическая, важно, чтобы развитие было поступательным, непрерывным и устойчиво шло по восходящей линии, хотя в любом деле случаются, разумеется, и спады, и подъемы, а также кризисы, которые желательно минимизировать. Такой спад или даже кризис современная российская политическая наука, по нашему твердому убеждению, как и вся российская наука, переживает в последние полтора-два года. Однако задача любого аналитика видится не только в том, чтобы, условно говоря, диагностировать болезнь и определить ее причины, но и предложить рецепт и методику ее лечения.

Обобщая содержание данного тезиса, подчеркнем, что за 25 лет политическая наука в России добилась немало, и прежде всего это связано с ее инфраструктурой. Но то, что еще предстоит сделать, значительно сложнее и важнее. Речь идет о формировании национальной теоретической базы, для чего потребуются научные центры и школы, теоретики с оригинальными концепциями и т.п. Кроме того, предстоит продолжить заниматься инфраструктурой, как новой, так и воссозданием того, что было разрушено в последние годы и что не привело нас к цели, а, наоборот, сильно затормозило и даже отбросило назад.

Чтобы аргументированно ответить на последний из поставленных вопросов, необходимо сначала определиться в том, верно ли проводится реформа

научной сферы, о которой говорилось в первом тезисе. На наш взгляд, эта реформа и концептуально, и организационно осуществляется неверно.

По первому, *концептуальному, аспекту* необходимо отметить следующее: научная сфера — особая сфера. Переходя из сферы образования в сферу науки, человек должен и почувствовать и понять, что в новой области он призван систематически заниматься приращением знания. Наиболее значимое из этого приращения, достойное передачи следующему поколению и изучения в сфере образования, выявленное и отфильтрованное временем, находит отражение в учебниках, изучается, запоминается и, таким образом, превращается не только в базу знаний человека, но и в определенной мере в его мировоззрение, то есть в систему его жизненных координат. Из этого вытекает исключительное значение всего нового, что генерирует наука. Не каждому дано создавать такое новое. Иначе говоря, каждый способен учиться, но не каждый способен создавать значимое новое знание. Оставаясь в сфере образования, пусть даже на третьей ступени, человек может и не почувствовать, что перешел в новую жизненно важную сферу деятельности, в которой он должен генерировать новое знание. Именно поэтому перевод аспирантуры из сферы науки в сферу образования, несмотря на тесную связь между этими сферами, — принципиальная концептуальная ошибка. Именно поэтому не каждому следует включать зеленый свет для поступления в аспирантуру, а только тем, кто уже проявил способность заниматься научной деятельностью. Поэтому реформу в сфере науки следовало бы начать именно с этого, а также с создания нормальных условий (прежде всего финансовых) для занятия в аспирантуре. Требовать от вынужденного работать аспиранта, чтобы он все делал в срок, по меньшей мере нереально.

Что касается ошибочности *организационной* стороны реформы науки, то состоит она, на наш взгляд, в разделе на РАН и ФАНО. Организаторы этого размежевания руководствовались тем, что ученые должны заниматься научными исследованиями и не «заморачиваться» при этом всевозможными материальными и финансовыми вопросами, которыми должна заниматься ФАНО. С нашей точки зрения, это усложнит, а поэтому и затормозит развитие науки. Время покажет, кто прав.

Сегодня политическая наука, так же как и все другие, оказалась в сложном положении. Резкое сокращение числа диссоветов (примерно в три раза) поставило многих соискателей и кандидатских, и докторских степеней в затруднительное положение. Не случайно поэтому число защитивших кандидатские и докторские диссертации сократилось очень резко. Если, например, в 2007 г. кандидатская степень была присуждена 386 соискателям, а докторская 41, то в 2011 г. соответственно 285 и 43, а в 2014 г. — 83 и 18. Вопрос стоит: оправдано ли такое резкое сокращение и научной инфраструктуры, и числа защищающихся? Особенно болезненно этот процесс отзывается на регионах, где точки роста либо заморожены, либо сильно подморожены. В совокупности с тем, что делается в сфере политологического образования, это производит не только эффект застоя, но и во многих случаях ситуацию отката. Данное состояние можно, на наш взгляд, охарактеризовать как политологическую

стагфляцию. Выбираться из этой ситуации, восстанавливать разрушенное придется долго и не без потерь. Некоторый оптимизм вселяет то, что созданные за прошедшие годы точки роста уже достаточно окрепли, пустили корни и дали плоды. Фактически появилось новое, молодое поколение политологов, которое, стоит надеяться, достаточно подготовлено, профессионально и активно, чтобы развивать созданную базу.

Библиографический список

1. Лечение РАН: Владимир Фортов дал эксклюзивное интервью // Российская газета. 2015. 23 марта.
2. Пляйс Я.А. Политология в контексте переходной эпохи в России. М., 2009.

A.I. Soloviev

**Russian Political Science
in the Modern Context:
Subjective Notes**

The period of modern evolution of the home political science is evaluated. The author proves that, despite the problems of institutionalization and internal restructuring, the Russian science of politics has proved its viability and has prospects for its further development.

Key words and word-combinations: political science, institutionalization, home science, contemporary condition.

Оценивается период современной эволюции отечественной политологии. Автором доказывается, что, несмотря на проблемы институализации и внутренней перестройки, российская наука о политике доказала свою жизнеспособность и имеет перспективы дальнейшего развития.

Ключевые слова и словосочетания: политология, институализация, отечественная наука, современное состояние

УДК 32.001(470)

ББК 66.0(2Рос)

А.И. Соловьев

РОССИЙСКАЯ ПОЛИТОЛОГИЯ В СОВРЕМЕННОМ КОНТЕКСТЕ: СУБЪЕКТИВНЫЕ ЗАМЕТКИ

Хорошо известно, что свой исторический «старт» российская политология приняла чуть позже своих европейских соседей. Впрочем, она смогла быстро и органично встроиться в этот интеллектуальный мейнстрим, доказав свою состоятельность и способность к зрелому научно-теоретическому взгляду на современную действительность. Ретроспективно оценивая небольшой по историческим меркам период ее современной эволюции, можно утверждать, что отечественная политология всегда стремилась отвечать на вызовы времени. На разных этапах это получалось по-разному, но упрекнуть российских политологов в застойности мышления невозможно.